

Материалы дискуссии (3)

Финансирование ИГИЛ и Джебхат ан-Нусры в свете окончания войны в Сирии

Говард Дж. Шатц¹

Старший экономист, RAND Corporation

Материалы дискуссии по итогам семинара: “Новая динамика безопасности и политическое урегулирование в Сирии”, Сиракуза, Италия, 18-19 октября 2018 г.

Женевский центр политики безопасности (GCSP)

Женевский центр политики безопасности (GCSP) – это международный фонд, созданный в 1995 году, в который входит 52 страна-член, и главной целью которого является содействие миру, безопасности и международному сотрудничеству посредством обучения руководителей, прикладных исследований политики, и диалога. GCSP обучает правительственных чиновников, дипломатов, военных, международных гражданских служащих и сотрудников НПО и частного сектора в области международного мира и безопасности.

Центр стратегических исследований Омран

Независимый аналитический и политический центр, деятельность которого сосредоточена на представлении объективного понимания ситуации в Сирии и в регионе в целом, имея целью предоставление информации для представителей публичной политики, имеющих влияние в регионе. Омран начал свою работу в ноябре 2013 года в Стамбуле, Турция. Он публикует исследования и обзоры по сирийским и региональным проблемам в таких областях как политика, экономическое развитие и местное управление. Омран также проводит круглые столы, семинары и дискуссии, которые способствуют становлению более систематичной и методичной культуры принятия решений среди будущих лидеров Сирии. Омран занимается поддержкой механизмов принятия решений, предоставлением практических политических рекомендаций для лиц, принимающих решения, определением проблем в сирийском контексте и прогнозированием сценариев и альтернативных решений.

Говард Дж. Шатц

Старший экономист RAND Corporation, директор исследовательской программы и преподаватель Высшей школы Парди при RAND. Он специализируется на вопросах международной экономики, экономического развития, а также взаимосвязи экономики и национальной безопасности. Его исследования в RAND касались проблем финансирования и управления «Исламского государства» и предшествующих ему структур; экономики и технологического развития Китая; реформ государственной службы, политики развития, рынков труда и статистических систем в Иракском Курдистане; международной экономической стратегии США; а также реформы рынка труда в Монголии. С 2007 по 2008 гг. он занимал должность старшего экономиста в Совете экономических консультантов при президенте США, где он занимался иностранными инвестициями, экономикой Ирака и экспортом США.

Семинар и публикация пользовались поддержкой Корпорации Карнеги и Фонда Роберта Боша. Взгляды, отраженные в этой статье, принадлежат исключительно автору.

Опубликовано в марте 2019

Все права принадлежат Женевскому центру политики безопасности и центру Омран

Финансирование ополчения и окончание войны

Сирийский кризис вылился в череду конфликтов и затронул интересы различных структур. В данной статье рассматривается финансирование двух организаций: Исламского Государства (также известного как Исламское государство Ирака и Леванта, или Даеш) и Джебхат ан-Нусры (Фронт Победы). Обе структуры причисляются США к иностранным террористическим организациям, применяющим такие тактики как подрывы террористов-смертников, однако их можно также отнести к повстанческим группировкам, если принимать во внимание их цели и действия на контролируемых ими территориях.

Источники финансирования повстанцев в Сирии

Сирийские повстанцы получали финансирование из многих источников. На местном уровне устанавливались косвенные налоги и сборы, имели место похищения людей с целью выкупа, вымогательства, кражи, незаконная торговля древностями и оружием (к слову, в Ираке наблюдалась другая ситуация – ИГИЛ поддерживали внешние игроки). В случае с Джебхат ан-Нусрой финансирование поступало в основном в форме пожертвований.

Многие шиитские отряды также получали прямое финансирование от Ирана. В сирийском конфликте принимали участие не только представители ливанской Хизбаллы, но также боевики из Афганистана, Ирака и Пакистана.ⁱⁱ По сообщениям афганских боевиков-шиитов, они получают от 500 до 600 долл. США в месяц, и Иран платит сирийцам примерно те же деньги, хотя в некоторых случаях указывались меньшие суммы по сравнению с теми, которые отмечали афганцы.ⁱⁱⁱ

Еще одной отличительной чертой большинства мятежников является то, что они, включая ИГИЛ, получали финансирование от контроля нефтяных и газовых месторождений. Продажи включали в себя контрабандные поставки сырья по всему региону, а также прямые продажи энергоресурсов сирийскому правительству и в подконтрольные ему районы.

Международные усилия по прекращению финансирования повстанцев

Основным способом прекращения финансирования Джебхат ан-Нусры и ИГИЛ является возвращение захваченных ими территорий, что лишит их возможности продавать нефть и газ, добываемые в этих районах, а также остановит обложение населения налогами. Также проводились кампании по уничтожению хранилищ наличных средств ИГИЛ.^{iv}

Следует отметить ряд международных инициатив по борьбе с суннитскими группировками. Совет Безопасности ООН руководит комитетом по санкциям, чтобы противодействовать ИГИЛ (именно ИГИЛ, с учетом территории Леванта), ал-Каидой и другими связанными с ними организациями^v, в том числе ан-Нусрой.^{vi} Если физическое или юридическое лицо попадает в этот список, ООН замораживает его активы, а также вводит запрет на перемещения и поставки оружия.

В частности, для контроля для ИГИЛ была создана финансовая группа Counter ISIS, состоящая из 52 человек и возглавляемая США, Италией и Саудовской Аравией.^{vii} Группа является частью международной коалиции, деятельность которой связана с обменом информацией и технической поддержкой противодействия ИГИЛ. Кроме того, ряд стран ввели свои собственные санкции.

Препятствия на пути прекращения финансирования

США и другие крупные экономические игроки, а также международные организации добились больших успехов в ослаблении использования формального финансового

сектора для финансирования повстанческих групп.^{viii} Но на пути к полному его прекращению существует еще много препятствий. Одним из них является использование неформальных систем передачи денег, такие как хавала, использующаяся для сбора пожертвований и перевода средств.^{ix} Несмотря на то, что эта система считается полностью скрытой от посторонних, во многих случаях учет транзакций все же представляется возможным. Однако получить доступ к этим данным намного сложнее, чем к данным официальных финансовых учреждений.

Второе препятствие – территориальный контроль. Если повстанческие группировки получают финансирование посредством налогообложения и других податей на местах, то только лишение их подконтрольных территорий остановит эти финансовые потоки. И последнее серьезное препятствие – государственный “сговор” или поддержка повстанцев со стороны правительств разных стран. Ярким примером здесь может служить приобретение ал-Асадом углеводородов у ИГИЛ.^x

Финансирование ИГИЛ

У ИГИЛ широкий спектр источников финансирования. Тем не менее, прежде чем рассматривать их конкретно, стоит остановиться на общей концепции сбора средств этой организацией. С момента своего появления в качестве Джамаат ат-Таухид ал-Джихад еще до войны в Ираке, структура получала пожертвования от симпатизирующих им сторонников за рубежом, причем они, хоть и были незначительными, но подчас становились весьма важным источником дохода для этой организации.^{xi}

Несмотря на это, группировка сосредоточилась на локальных финансовых потоках, чтобы сохранять полный контроль над ними.^{xii} Таким образом, главные источники финансирования ИГИЛ были привязаны к подконтрольным ему территориям. Что касается подпольного “Исламского Государства в Ираке” в Мосуле, его источники дохода включали в себя доходы от заправок станций, сборы с транспортных компаний, осуществляющих международную торговлю, штрафы, собираемые с местного населения, небольшие пожертвования и даже сборы от государственных учреждений.^{xiii}

Как и ИГИЛ, группировка поддерживала и расширяла эту сеть источников. Первоначально, когда захватывались города, финансирование появлялось в форме украденных в банках денег – суммы в этом случае варьировались в диапазоне от 500 млн до 1 млрд долл. США.^{xiv} Установив территориальный контроль, группировка внедряла систему налогов и сборов, в том числе таких, как взимание закята с людей и предприятий, коммунальные платежи, арендная плата за использование рыночных площадей и штрафы за нарушение правил дорожного движения или исламского законодательства.^{xv} Взималась также и плата за транзитные перевозки, порядка 1000 долл. США за грузовик.^{xvi}

Еще одним важным источником доходов были конфискации. Помимо получения денег от банков, ИГИЛ во многих случаях отбирало у захваченного населения землю, сельскохозяйственную продукцию, фабрики, скот и даже жилища. Дома конфисковывались у сирийских правительственных чиновников и солдат, христиан, покинувших иракский Мосул и многих других.^{xvii}

На пике своей мощи крупнейшим источником дохода группировки были средства, полученные в результате продажи нефти и газа, добытых на захваченных месторождениях. Продажи осуществлялись по всему региону, но в особенности – правительству ал-Асада. Так, в ноябре 2015 г. Соединенные Штаты наложили санкции на сирийского бизнесмена Джорджа Хасвани за то, что он служил “посредником при закупках нефти сирийским режимом” у ИГИЛ, а также на инженерно-строительную компанию HESCO за эксплуатацию “объектов по производству электроэнергии на

подконтрольных ИГИЛ территориях Сирии”.^{xviii} В 2015 г. доходы ИГИЛ от нефти составили около 500 млн долл. США в год.

Ввиду того, что кампания по борьбе с ИГИЛ сократила контроль группировки над нефтяными и газовыми месторождениями, налогообложение превысило средства от добычи нефти и газа и стало крупнейшим источником дохода. К весне 2016 г. в ИГИЛ поступало 250 млн долл. США от продажи нефти и газа, а 360 млн долл. США поступало в результате сбора налогов.^{xix}

Помимо налогообложения и доходов от продажи нефти и газа, менее прибыльными источниками доходов были похищения людей с целью выкупа, контрабанда предметов старины и даже продажа пшеницы.^{xx} Максимальный доход по этим каналам достигал 1 млрд долл. США. Так как группировка утратила захваченные населенные территории и нефтяные месторождения, этот источник финансовых поступлений также существенно сократился.

С утратой Ракки ИГИЛ лишилось последнего крупного населенного пункта и, следовательно, последнего ощутимого источника для налогообложения в Сирии. Тем не менее, группировка сохранила контроль над небольшими населенными пунктами, где она продолжала собирать налоги с местного населения и, вероятно, вернулась к вымогательству и другими действиям криминального характера.

Результаты военной кампании против ИГИЛ указывают на продолжение сбора средств бойцами этой структуры. Так, в мае 2018 г. в результате операций «Непоколебимая решимость» погибли четыре члена нефтегазовой сети ИГИЛ, что свидетельствует о том, что даже в это время они продолжали торговать нефтью.^{xxi} Другие факты указывают на наличие у ИГИЛ средств для передислокации. С 7 по 9 октября 2018 г. иракские войска специального назначения, курдские контртеррористические силы и члены международной коалиции арестовали членов финансовой сети “ар-Раби” (группы содействия ИГИЛ, в Эрбиле и Багдаде, чья сеть простирается и на территорию Сирии).^{xxii}

За свою бытность подпольной террористической и повстанческой группировки в Ираке до 2011 г. ИГИЛ успело обзавестись опытом сбора средств с территорий, которые оно не контролирует. После потери Ракки – своей “столицы” и крупнейшего населенного пункта – у ИГИЛ все же остались свои козыри. Во-первых, по некоторым сообщениям, значительные денежные резервы этой структуры по-прежнему сохранились. Во-вторых, за время войны ей удалось собрать информацию об активах и средствах многих людей, живших на подконтрольных ей территориях. Вероятно, эта информация также сохранилась и может быть использована в дальнейшем.

Потеря ИГИЛ территорий и финансирования приведет к определенным последствиям в области безопасности. Сокращение денежных активов означает, что террористическая активность группировки не только сократится, но и видоизменится в силу ограниченности ресурсов. Однако сокращение финансовых потоков не означает, что ИГИЛ полностью исчезнет. Вероятнее всего, посредством поддержания тайных ячеек она продолжит участвовать в более традиционных террористических атаках, включая покушения на своих противников и подрыв их экономических активов.

Финансирование Джабхат ан-Нусры

С момента своего отделения от ИГИЛ, Джабхат ан-Нусре удавалось собрать намного больше денежных средств, чем ИГИЛ (за некоторыми исключениями).^{xxiii} Одним из главных источников финансирования был налог на пограничный переход с Турцией в Баб-ал-Хаве в провинции Идлиб. Контроль над этим переходом дал группировке монополию на отслеживание гуманитарной помощи и возможность облагать ее налогом.^{xxiv} В

сентябре 2018 г. Агентство США по международному развитию (USAID), а также Департамент международного развития Великобритании (DFID) сообщило своим партнерам о прекращении использования перехода из-за сборов, взимаемых аффилированным с Джабхат ан-Нусрой Правительством национального спасения. Впоследствии ан-Нусра объявила, что прекращает взимать плату, и USAID вновь возобновил гуманитарные перевозки.^{xxv} Однако в декабре 2018 г. Комиссия по благотворительности, которая регулирует деятельность благотворительных организаций в Англии и Уэльсе, опубликовала предупреждение о том, что ан-Нусра может извлекать выгоду от гуманитарных потоков, проходящих через Баб ал-Хава, подвергая соответствующие благотворительные организации риску соучастия уголовным преступлениям.^{xxvi}

Главное различие между ИГИЛ и Джабхат ан-Нусра заключается в том, что последняя в гораздо большей степени полагается на пожертвования за пределами Сирии. Как сообщается, это пожертвования от состоятельных людей из Саудовской Аравии, Катара и Кувейта. Несмотря на то, что в свое время группировка была официально связана с ал-Каидой, ее руководство объявило, что больше не аффилировано с этой структурой. Основным мотивом в этом случае было предоставление донорам возможности заявлять о том, что они больше не финансируют эту печально известную организацию.^{xxvii} Есть также основания утверждать, что, помимо источников в Персидском заливе, ан-Нусра получала пожертвования из Турции.^{xxviii}

Это во многом объясняет санкции американского казначейства против граждан Кувейта за финансирование ан-Нусры. В частности, в марте 2017 г. казначество США причислило Мухаммада Хади ал-Анизи, базировавшегося в Кувейте, к списку лиц, участвовавших в сборе средств для ан-Нусры.^{xxix} Можно также упомянуть санкции в отношении двух кувейтских финансистов в августе 2014 г., которые собирали деньги под эгидой благотворительных организаций, и двух финансистов из Катара, которые в 2016 г. также использовали благотворительные фонды для сбора средств в интересах ан-Нусры.

Такого рода схемы сбора средств вышли за пределы Персидского залива. Был зафиксирован случай, когда итальянские власти арестованы 14 человек на Сардинии и в северном городе Брешиа за попытки перемещения средств, собранных в мусульманских общинах в Европе и в конечном счете переведенных ан-Нусре по системе хавала.^{xxx}

Другим источником финансирования ан-Нусры, отличающим ее от ИГИЛ, являются похищения людей с целью выкупа. Несмотря на то, что обе структуры совершали подобные действия, ан-Нусра, очевидно, в большей степени полагалась именно на этот канал дохода. Так, были зафиксированы транзакции на сумму от 4 до 25 млн долл. США, причем платежи якобы осуществлялись при посредничестве Катара.^{xxxi}

Как и ИГИЛ, ан-Нусра получает финансирование за счет источников на местах, в частности, облагая налогами местное население и, как отмечалось выше, взимая плату за транзитные перевозки, а также присваивая себе часть военной техники и оборудования.^{xxxii} Налоги, взимаемые ан-Нусрой, включают в себя плату за ведение бизнеса, а также сборы за коммунальные услуги, такие как электро- и водоснабжение. Группировка также накладывала штрафы на население подконтрольных ей территорий, сдавала в аренду дома, конфисковывала активы у религиозных меньшинств и получала прибыль от контрабанды сигарет.^{xxxiii}

Два других источника финансирования ан-Нусры аналогичны тем, которые использовало ИГИЛ и предшествующие ей структуры. Прежде всего, ан-Нусра получала доходы от продажи нефти, по крайней мере в то время, когда она контролировала месторождения.^{xxxiv} Во-вторых, она преступным способом получала прибыль, в частности, от средств, поступающих из Великобритании на нужды Свободной сирийской полиции

(ССП). По имеющимся данным, ан-Нусре удалось устроить двух своих сторонников в качестве сотрудников ССП.^{xxxv}

Прекращение финансирования повстанцев и окончание войны

Скоординированные международные усилия могут оказать существенное влияние на финансирование повстанческих группировок в Сирии, особенно ан-Нусры и ИГИЛ. Даже к денежным переводам через систему хавала можно получить доступ, хотя это непросто. Так или иначе они оказываются связанными с формальными финансовыми потоками, в частности на этапе окончательных расчетов, и блокировка счетов, с которых осуществляются мошеннические операции, может быть эффективной мерой.

Сложнее остановить государственную поддержку ополченцев и повстанческих группировок. Это касается и косвенной поддержки террористических структур, к примеру приобретение правительством ал-Асада нефти и газа у ИГИЛ. Самыми сложными с точки зрения контроля над ними являются финансовые потоки на местах, в частности сбор налогов или штрафов. Чтобы остановить их, необходимо отвоевать соответствующую территорию.

Однако и после военного поражения группировок и возврата захваченных ими территорий под контроль правительства проблемы не закончились. Повстанцы продолжают содержать ячейки, вымогать деньги у населения и участвовать в других преступных действиях по сбору средств. Так, на двух последних заседаниях финансовой группы Counter ISIS обсуждались способы предотвращения использования “Исламским Государством” контрактов, нацеленных на восстановление Сирии.^{xxxvi} Дело в том, что ИГИЛ еще со времен существования “Исламского государства в Ираке” имеет задокументированную историю отмывания средств по такого рода контрактам через сговор как с региональными чиновниками в провинции Найнава, так и с иракскими чиновниками федерального уровня.^{xxxvii}

Это означает, что после поражения указанных группировок дальнейшее противостояние им должно из военной сферы переместиться в область обеспечения правопорядка.^{xxxviii} Население должно чувствовать себя достаточно защищенным, чтобы сотрудничать с правоохранительными органами и сообщать об оставшихся повстанцах. Однако опора на правоохранительные органы несет в себе и определенный риск: коррумпированные полицейские могут сотрудничать с повстанцами, помогая им собирать деньги и продолжаться свою деятельность. Что касается международной помощи, то в этом случае главная роль отводится обучению и контролю.

ⁱ Данная статья была написана в качестве документа для обсуждения на семинаре “Новая динамика безопасности и политическое урегулирование в Сирии”, проводившегося при поддержке Женевского центра политики безопасности и Центра стратегических исследований Омран как части проекта “Сирия и глобальная безопасность”. Семинар состоялся 18-19 октября г. Сиракуза, Италия, в Сиракузском международном институте уголовного правосудия и прав человека. Информацию о мероприятии можно найти на сайте: <https://www.gcsp.ch/News-Knowledge/News/Emerging-Security-Dynamics-and-the-Political-Settlement-in-Syria>

Я благодарю участников семинара и анонимного рецензента за их комментарии. Все высказанные идеи и фактические ошибки являются сферой ответственности исключительно автора данного текста. Мнение могут не совпадать с мнениями спонсоров или корпорации РЭНД.

ⁱⁱ Ali Alfoneh, “Iran’s Shia Foreign Legions,” Carnegie Endowment for International Peace, January 30, 2018. As of October 13, 2018: <https://carnegieendowment.org/2018/01/30/tehran-s-shia-foreign-legions-pub-75387>. Ranj Alaaldin, “Iran’s Complicated but Resistable Influence in Syria,” *Markaz*, The Brookings Institution, May 19, 2017. As of October 13, 2018: <https://www.brookings.edu/blog/markaz/2017/05/19/irans-complicated-but-resistible-influence-in-syria/>.

-
- ⁱⁱⁱ Pamela Constable, “Recruited by Iran to Fight for Syrian Regime, Young Afghans Bring Home Cash and Scars,” *The Washington Post*, July 29, 2018. As of October 13, 2018: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/recruited-by-iran-to-fight-for-syrian-regime-young-afghans-bring-home-cash-and-scars/2018/07/29/ecf9e34c-64e0-11e8-81ca-bb14593aca6_story.html?utm_term=.4859a2b0cf2a. Carla Hummel, Jeremy Sharp, and Jim Zanotti, “Iranian Assistance to Groups in Yemen, Iraq, Syria, and the Palestinian Territories,” Memorandum for Senator Mark Kirk, Congressional Research Service, July 31, 2015.
- ^{iv} “Hundreds of Millions of Dollars Destroyed in anti-IS Strikes,” AFP, February 17, 2016.
- ^v “Security Council Committee Pursuant to Resolutions 1267 (1999) 1989 (2011) and 2253 (2015) Concerning ISIL (Da’esh) Al-Qaida And Associated Individuals Groups Undertakings and Entities,” web page. As of October 13, 2018: <https://www.un.org/sc/suborg/en/sanctions/1267>
- ^{vi} “Narrative Summaries of Reasons for Listing: QDe. 137, Al-Nusra Front for the People of the Levant,” Security Council Committee Pursuant to Resolutions 1267 (1999) 1989 (2011) and 2253 (2015) Concerning ISIL (Da’esh) Al-Qaida And Associated Individuals Groups Undertakings and Entities, undated. As of October 13, 2018: https://www.un.org/sc/suborg/en/sanctions/1267/aq_sanctions_list/summaries/entity/al-nusra-front-for-the-people-of-the-levant
- ^{vii} U.S. Department of the Treasury, “Counter ISIS Finance Group Leaders Issue Joint Statement,” Press Release, September 24, 2018. As of October 13, 2018: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm494>
- ^{viii} For a broad overview of these efforts, see Juan C. Zarate, *Treasury’s War: The Unleashing of a New Era of Financial Warfare*, New York: PublicAffairs, 2013.
- ^{ix} Roger Ballard, “Coalitions of Reciprocity and the Maintenance of Financial Integrity Within Informal Value Transmission Systems: The Operational Dynamics of Contemporary Hawala Networks,” *Journal of Banking Regulation*, Vol. 6, No. 4, 2005, pp. 319-352; Roger Dean, “Remittances to Syria: What Works, Were and How,” Norwegian Refugee Council, July 2015.
- ^x Erika Solomon, Guy Chazan, and Sam Jones “ISIS Inc.: How Oil Fuels the Jihadi Terrorists,” *The Financial Times*, October 14, 2015; Erika Solomon and Ahmed Mhidi, “ISIS Inc.: Syria’s ‘Mafia-Style’ Gas Deals with Jihadis,” *The Financial Times*, October 15, 2018.
- ^{xi} Jennifer L. Fowler (Deputy Assistant Secretary for Terrorist Financing and Financial Crimes, U.S. Department of the Treasury), “U.S. Efforts to Counter the Financing of ISIL,” Statement Submitted for the Conference, *Taking the Fight to ISIL: Operationalizing CT Lines of Effort Against The Islamic State Group*, Washington Institute for Near East Policy, February 2, 2015.
- ^{xii} One statement of this point of view can be found in Harmony document NMEC-2008-612449, “Analysis of the State of ISI,” a declassified captured document about the Islamic State of Iraq’s “lessons learned” (from both its own and other Islamic militant organizations).
- ^{xiii} NMEC-2010-186331, a letter from an Islamic State of Iraq official in Mosul to the “Sheikhs,” likely Abu Umar al-Baghdadi and Abu Ayyub al-Masri, detailing revenue sources, captured in April 2010.
- ^{xiv} This and subsequent paragraphs draw in part from Colin P. Clarke, Kimberly Jackson, Patrick B. Johnston, Eric Robinson, and Howard J. Shatz, *Financial Futures of the Islamic State of Iraq and the Levant: Findings from a RAND Corporation Workshop*, Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, CF-361, 2017.
- ^{xv} Matthew Rosenberg, Nicholas Kulish, and Steven Lee Myers, “Predatory Islamic State Wrings Money from Those it Rules,” *The New York Times*, November 29, 2015. As of October 13, 2018: <https://www.nytimes.com/2015/11/30/world/middleeast/predatory-islamic-state-wrings-money-from-those-it-rules.html>
- ^{xvi} Raja Abdulrahim, “In Syria’s Mangled Economy, Truckers Stitch Together Warring Regions,” *The Wall Street Journal*, May 24, 2016.
- ^{xvii} Yasser Allawi, “Local Residents are Enduring ISIS’s Punitive Home Confiscations and Other Strict Policies,” *Syria Deeply*, July 208, 2015, as of December 23, 2018: <https://www.newsdeeply.com/syria/articles/2015/07/28/isis-confiscates-homes-in-deir-ezzor>; Ghaith Abdul-Ahad, “The Bureaucracy of Evil: How Islamic State Ran a City,” *The Guardian*, January 29, 2018, as of December 23, 2018: <https://www.theguardian.com/cities/2018/jan/29/bureaucracy-evil-isis-run-city-mosul>; and The Observers and Sarra Grira, “ISIS Confiscate Belongings as Christians Flee Mosul,” *France 24*, July 22, 2014, as of December 23, 2018: <https://www.newsdeeply.com/syria/articles/2015/07/28/isis-confiscates-homes-in-deir-ezzor>
- ^{xviii} U.S. Department of the Treasury, “Treasury Sanctions Networks Providing Support to the Government of Syria, Including for Facilitating Syrian Government Oil Purchases from ISIL,” Press Release, November 25, 2015.
- ^{xix} Yeganeh Torbati, “Islamic State Yearly Oil Revenue Halved to \$250 Million: U.S. Official,” *Reuters*, May 11, 2016. As of December 23, 2018: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-islamic-state-revenue-idUSKCN0Y22CW>
- ^{xx} Annia Ciezadlo, “The Most Unconventional Weapon in Syria: Wheat,” *The Washington Post*, December 18, 2015.
- ^{xxi} CJTF-OIR PAO, “Coalition Kills Daesh Criminal Leader, Followers,” Press Release, June 19, 2018.
- ^{xxii} CJTF-OIR PAO, “Senior ISIS Facilitators Arrested in Iraq,” Press Release, October 11, 2018.

^{xxiii} Jabhat al-Nusra has changed its name and evolved first to Jabhat Fateh al-Sham (The Levantine Conquest Front) and then to Hayat Tahrir al-Sham (HTS; Assembly for the Liberation of the Levant). HTS was announced as including Nusra, Harakat Nur al Din al Zinki, Liwa al Haqq, Ansar al Din, and Jaysh al Sunna, plus other groups. However, in July 2017, clashes within the group essentially led it to being largely, if not exclusively, Nusra (Counter Extremism Project, *Nusra Front [Jabhat Fateh al-Sham]*, 2018).

^{xxiv} Fabrice Balanche, *Sectarianism in Syria's Civil War* (with maps by Fabrice Balanche and Mary Kalbach Horan), The Washington Institute for Near East Policy, 2018. As of December 23, 2018: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/sectarianism-in-syrias-civil-war>

^{xxv} Lead Inspector General, *Operation Inherent Resolve and Other Overseas Contingency Operations: Lead Inspector General Report to the Congress, July 1, 2018 – September 30, 2018*, Washington, D.C., 2018; Sarah Dadouch, “Some Aid Agencies Halt Use of Syrian Border Gate, Citing Jihadists’ Taxes on Trucks,” *Reuters*, October 4, 2018, as of December 23, 2018: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-aid/some-aid-agencies-halt-use-of-syrian-border-gate-citing-jihadists-taxes-on-trucks-idUSKCN1ME1MJ>

^{xxvi} The Charity Commission, “Alert for Charities Operating in Syria or Turkey About Aid Passing Through the Bab al-Hawa Crossing,” December 3, 2018; as of December 23, 2018: <https://www.gov.uk/government/news/alert-for-charities-operating-in-syria-or-turkey-about-aid-passing-through-the-bab-al-hawa-crossing>

^{xxvii} Counter Extremism Project, *Nusra Front (Jabhat Fateh al-Sham)*, 2018. HTS was announced as including Nusra, Harakat Nur al Din al Zinki, Liwa al Haqq, Ansar al Din, and Jaysh al Sunna, plus more. But in July 2017, lots of clashes, and basically just Nusra.

^{xxviii} Charles Lister, *Profiling Jabhat al-Nusra*, Analysis Paper No. 24, The Brookings Project on U.S. Relations with the Islamic World, July 2016. Turkey’s role is also crucial in enabling or denying Nusra the ability to control Bab al-Hawa, in that Turkey is the external actor that could expel them from this territory should Ankara choose to make it a priority.

^{xxix} U.S. Department of the Treasury, “Treasury Sanctions Prominent Al-Nusra Front and Al-Qa’ida Facilitator,” March 14, 2017.

^{xxx} “Italy Breaks Up Syrian Jihadist Funding Ring,” *BBC News*, May 10, 2018; “Italy Arrests 14 People Suspected of Financing Terrorism,” *The Local Italy*, May 10, 2018.

^{xxxi} Charles Lister, *Profiling Jabhat al-Nusra*, Analysis Paper No. 24, The Brookings Project on U.S. Relations with the Islamic World, July 2016; Charles Lister, “How al-Qa’ida Lost Control of its Syrian Affiliate: The Inside Story,” *CTC Sentinel*, Vol. 11, Issue 2, February 2018, pp. 1-9.

^{xxxii} Charles Lister, *Profiling Jabhat al-Nusra*, Analysis Paper No. 24, The Brookings Project on U.S. Relations with the Islamic World, July 2016.

^{xxxiii} Counter Extremism Project, *Nusra Front (Jabhat Fateh al-Sham)*, 2018.

^{xxxiv} Counter Extremism Project, *Nusra Front (Jabhat Fateh al-Sham)*, 2018; Mohamed-Ali Adraoui, “The Case of Jabhat Al-Nusra in the Syrian Conflict 2011-2016: Towards a Strategy of Nationalization?” *Mediterranean Politics*, 2017.

^{xxxv} Jemma Crew, “Government Suspends Foreign Aid Scheme After Allegations UK Taxes Bankrolling Extremists in Syria,” *The Independent*, December 4, 2017.

^{xxxvi} U.S. Department of the Treasury, “Counter ISIS Finance Group Leaders Issue Joint Statement,” Press Release, September 24, 2018. As of October 13, 2018: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm494>. U.S. Department of the Treasury, “Counter ISIS Finance Group Leaders Issue Joint Statement,” Press Release, February 15, 2018. As of October 13, 2018: <https://home.treasury.gov/news/press-release/sm0294>

^{xxxvii} Patrick B. Johnston, Jacob N. Shapiro, Howard J. Shatz, Benjamin Bahney, Danielle F. Jung, Patrick K. Ryan, Jonathan Wallace, *Foundations of the Islamic State: Management, Money, and Terror in Iraq, 2005-2010*, Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, RR-1192, 2016.

^{xxxviii} Colin P. Clarke, “An Overview of Current Trends in Terrorism and Illicit Finance: Lessons from the Islamic State in Iraq and Syria and Other Emerging Threats,” Testimony Presented Before the House Financial Services Committee, Subcommittee on Terrorism and Illicit Finance, September 7, 2018 (Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, CT-498, 2018).